

НА РУБЕЖЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

2

1 9 5 1

ЛАРИН ПАРАСКЕ И ФИНСКО-ИЖОРСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

В. ЕВСЕЕВ

В развитии финско-ижорской народной поэзии творчество талантлившей сказительницы Карельского перешейка Ларин Параске занимает наиболее видное место.

Демократические традиции творчества Ларин Параске оказали благотворное влияние на развитие послеоктябрьского народного творчества ижор и финнов Ленинградской области, в период перед Великой Отечественной войной и в годы ожесточённой борьбы советского народа против фашистских захватчиков.

Прежде чем сделать краткий обзор развития послеоктябрьского народного творчества ижор и финнов Ленинградской области, следует дать общую характеристику дореволюционной ижорско-финской устной народной поэзии и остановиться, главным образом, на идейном содержании песен Ларин Параске.

Финны и ижоры не были постоянными жителями территории нынешней Ленинградской области. Уходя из восточной Финляндии (особенно после неудачных крестьянских волнений) от двойного гнёта шведских феодалов, финские крестьяне (в значительной мере — присайминские и привыборгские карелы по происхождению) в окрестностях Невы появились лишь несколько столетий назад. Здесь они вошли в соприкосновение с русским крестьянским населением и установили с ним дружественные, братские связи, как об этом свидетельствует следующий отрывок ижорской песни о таком типичном беглом финском крестьянине-переселенце:

На чужбину направлялся,
В незнакомый край бежал он.
«Там никто меня не знает,
Лишь других я там увижу,

* Все нижеприводимые переводы принадлежат автору статьи.

В русском я узнаю брата,
В русской женщине — сестрицу!»

Крепостное право среди ижор и финнов бывшей Петербургской губернии появилось несколько позднее, чем в других местах царской России, но выразилось оно здесь в особо жестоких формах в связи с тем, что помещиками-крепостниками среди ижор и финнов в этих местах были не столько русские дворяне, сколько сановники иноземного происхождения, получавшие себе земли в окрестностях Петербурга в дар за разные услуги русским царям.

О бесчинстве и произволе этих новых хозяев дарственных земель, главным образом — шведов и остзейских немцев, красноречиво повествуется в ижорско-финской устной народной поэзии.

В одной из песен, записанных на Карельском перешейке, говорится:

Потому мой домок беден —
В нём всегда господ я вижу,
Дом грабители всё грабят,
Фохты с исками заходят,
Ленсманьы с брезгливым видом.*

Произвол некогда шведского барона Пипера в 80-е годы XVIII века вызвал крестьянские волнения на Карельском перешейке, и в связи с этим имя этого барона проникло в песни, записанные в этой местности. В одной из ижорских песен, записанных юго-западнее Невы, о таком же шведском бароне поётся:

Сумасброден барин в Хева,
Сиверен был барон тот шведский.

Двойной гнёт, ложившийся на плечи финско-ижорского населения окрестностей Петербурга, обострял народнопатриотическое сознание. Насильственная политика русских царей, особенно Павла I, по отношению к финско-ижорскому населению, обусловила в финско-ижорских народных песнях, появление острой социальной сатиры,

направленной против вышеупомянутого царя-самодура, а также Екатерины II. В подтверждение этого можно сослаться хотя бы, например, на песню сказительницы Карельского перешейка — Ларин Параске о «рекрутине», где дана предельно презрительная характеристика царя-самодура Павла.

Из русских царей лишь Пётр Первый вполне положительно охарактеризован как полководец, олицетворяющий в народных песнях дружелюбно настроенный к ижорам великий русский народ. В ряде вариантов финско-ижорской песни о морской битве со шведами около полуострова Ханко, когда английский флот ожидал исхода битвы (надеясь и тут осуществлять традиционную великобританскую политику «загребания жара чужими руками»), — выражается явное сочувствие русским. В ниже приводимом фрагменте финско-ижорской песни скорее всего нашёл отражение главным образом первый случай появления английского военного флота в Финском заливе при Петре Первом, называемом в песне «кудрявым царём Кунерво». В эпически-спокойном тоне финско-ижорская песня повествует:

Как-то раз король французский
Вместе с королём английским
Сообща в том сговорились, —
Флот направить в наше море.
Наш кудрявый царь Кунерво,
В белом парике начальник,
Написал посланье спешно,
Заложил в пакет скорее
И послал он то посланье
Прямо королю французам:
«...Здесь поставлю батареи,
Будут каменные стены,
Пушки медные поставим,
Вот тогда тебя мы встретим!»

И другой случай агрессивных действий английского военного флота в Финском заливе во время Восточной (Крымской) войны 1853—56 гг. не мог остаться без отражения в финско-ижорской народной поэзии. В одной из финско-ижорских песен, своеобразно откликнувшихся на бомбардировки берегов Финляндии, неоднократно производившиеся во время войны 1853—56 гг., ещё в большей мере, чем в вышеприведённом отрывке руны, выражается явно отрицательное отношение к английскому флоту, варварски разрушавшему прибрежные финские города и портовые укрепления.

В этой песне говорится:

Жаден был король английский,
Флот послал он в наше море,
Глубину он измерял здесь,
Там, где он стоял на море,
Берег высох на шесть сажень,
Побережье обмелело.

В данном случае финско-ижорская народная песня, в которой отражены чувства народа, является ещё одним подтверждением того факта, насколько сильно просчиталась буржуазная Англия, когда перед восточной войной 1853—56 гг. она, как отмечает историк Финляндии Бородин, рассчитывала на то, что «несколько британских эскадр» могут обеспечить восстание финского народа против России.

Лицемерная политика Англии по отношению к Финляндии перед Восточной войной не могла привести к снижению патриотического духа финских солдат, доблестно сражавшихся в рядах русских войск во время восточной войны на кавказском фронте. Свидетельством этому является финская по языку солдатская песня, записанная от северо-карельского сказителя Кирилла Гауринена, усвоившего песню ещё в детстве от некоего финна из Петербургской губернии. В этой финской песне повествуется о героическом штурме «неприступной» турецкой крепости Карс в 1855 году:

Не первый раз Россия побеждала;
Тут турок тысячи мы положили,
И не было пощады туркам.

Подобное же отрицательное отношение сражавшихся в рядах русских войск финнов-солдат к турецкой военщине, к этому слепому орудию тогдашней английской политики, имеется в целом ряде вариантов финско-ижорских народных песен старой записи, содержащих упоминания о турецких войнах и турках. И в этом нет ничего удивительного, поскольку финны-солдаты сражались в составе русской армии не только в восточной войне 1853—56 гг., но и во время русско-турецкой войны 1877—78 гг., в меру своих сил содействуя освобождению славянских народов от турецкого ига на Балканах.

Отрицательное отношение к английским империалистам возникло среди финского народа не только тогда, когда англичане своими военными действиями наносили ущерб Финляндии и вообще России. В финскую народную поэзию проникли некоторые отголоски об освободительной борьбе бурских крестьян в Африке против английских колонизаторов в конце XIX века, когда финские добровольцы сражались на стороне бурских крестьян.

Таким образом, лирический эмоционально-окрашенный эпически-спокойный тон всех этих финских песен свидетельствует о том, что финско-ижорское население осуждало захватническую политику английских и французских интервентов.

Именно на фоне исторических отражений патриотических настроений крестьянства Петербургской губернии

в вышеприведенных отрывках произведений финско-ижорской народной поэзии развивается творчество Ларин Параске.

Не менее чётко и определённо выражено отношение финско-ижорского населения к Наполеону Бонапарту в ряде вариантов финской солдатской песни об Отечественной войне 1812 года. Согласно записи, произведенной от финской сказительницы Ларин Параске:

Бонапарт тот с лютой ратью
Всё топтал в бою кровавом.
Затоптать собрался финнов,
С пруссами он всех ограбил,
Растоптал поля поляков.

Итак, имеются основания утверждать, что финско-ижорские народные эпические и исторические песни отражают отрицательное отношение к шведским, французским, английским и иным захватчикам, и в то же время — многовековое дружественное отношение к русскому народу.

В основном то же самое можно сказать о старинной финско-ижорской лирической песне, которую целесообразнее всего охарактеризовать на примерах из творчества и на фоне трагической участи финской крестьянки Карельского перешейка — Ларин Параске, снискавшей среди финско-ижорского населения в конце XIX века славу лучшей народной лирической певицы. Это тем более оправдано, что даже после её смерти многие финско-ижорские лирические песни начинались словами воспоминания о сказительнице: «Так пела Ларин Параске!»

Уже в молодости, в шестидесятые годы, крепостная девочка пастушка Параске, вышолняя на усадьбе помещика тяжёлую физическую работу, усвоила от своих подруг и соседей огромное количество песен, в исполнении которых она находила отраду в своей безрадостной жизни. Народная лирика этой сказительницы отразила в себе участь большинства финско-ижорских девушек-крестьянок дореволюционного безвременья. О полуголодной жизни девушек-батрачки Параске пела:

На гумне не слышно шума,
Не скрипит от ветра крыша.
Это грудь моя хрипела,
Плечи у меня скрипели,
В животе пел песню голод,
Из груди тот шум был слышен;
На господ я молотила,
Я всегда была голодной.

Томясь и преждевременно старея на непосильной работе у помещиков и кулаков, молодые девушки не находили счастья и после замужества. Так случилось и с батрачкой певицей рун Ларин Параске, вышедшей замуж с раз-

решения помещика за свободного крестьянина-старика. Никто не мог дать ей 25 лет, настолько старой она выглядела в этом возрасте. В худеньком, невзрачном существе, казалось состоявшем из одних костей и кожи, никто не мог узнать ещё молодую женщину. В своих песнях Параске красноречиво объясняла причины своей преждевременной старости.

Уж оттаяли болота,
Лужи на земле засохли,
Тает лёд в холодном море
По озёрам лёд расстаял.
Но моё не тает горе,
От тепла оно не сохнет
Даже в жаркие денёчки.
Чем теплее солнце греет,
Тем под сердцем холоднее,
Чем прекрасней это время,
Для меня оно тем злее
И вдвойне оно мне горше.
Воробей прохладен сердцем,
И голубка не теплее,
А моё младое сердце
Холодной воды холодной.

О горькой доле замужней женщины-крестьянки Ларин Параске пела в свадебных песнях, в исполнении которых она не находила себе соперниц. В одной из своих свадебных песен она предупредила молодую невесту, что её в доме мужа ожидает обычный удел крестьянки: пустой стол и изготовление муки из сосновой коры:

Вся мука твоя — в болоте,
На сосне твой хлеб насущный,
А мука же в Петербурге.
В мужнем доме, молодуха,
Лучшей доли не найдёшь ты,
Счастья там ты не увидишь,
Там за стол пустой ты сядешь,
Около окна иссохнешь.

Выпавшая на долю Ларин Параске слава самой талантливой сказительницы Карельского перешейка, казалось бы должна была улучшить её материальное положение. Ведь о ней в конце XIX века заговорили не только в Финляндии, но и в западно-европейских филологических кругах. Известные финляндские поэты посвящали ей свои стихи. Крупнейшие художники Финляндии писали с неё портреты. Народная сказительница, со свойственным ей гостеприимством, принимала у себя в жалкой избушке гостей из самых различных слоёв общества.

«Наука и искусство желают впитать в себя все сохранённые ею сокровища духовной культуры» — так писали в Финляндии о Ларин Параске. Но приём «высоких гостей» не обошёлся для сказительницы даром. Никто не захотел ей помочь, и в 1890 году покосившийся домик гостеприимной народной сказительницы был продан с торгов за

долги. И тогда бездомная, всеми забытая сказительница пела:

Люди все домой спешили,
По домам все направлялись,
И лишь я одна бедняжка,
Дома своего лишилась;
В чаще у меня избушка,
У лесных кустов шалашик,
В нём всегда сквозняк гуляет,
И огонь в костре мерцает,
Ветерок колышет пламя.
Кто нашёл свой кров в болоте,
На бору шалашик сделал,
Тот жилищем обеспечен,
Как медведь — в лесу хозяин.
Гнёздышко имеет рябчик,
Тетерев свой кров имеет,
Рябчик в гнёздышко стремится,
Тетерев в своё жилище.
Но куда же я укроюсь,
Где пристанище найду я,
Лишена родного дома,
Не имею я избушки.

Через пять лет после изгнания из дома, в котором Ларин Параске прожила большую часть своей жизни, гонимая нуждой и бедностью, забытая всеми, она умерла. Лишь после её смерти о ней снова вспомнили в Финляндии. Тогда её могила была обильно увлажнена крокодиловыми слезами господ-филологов и других представителей буржуазной цивилизации.

Творчество этой сказительницы-крестьянки отражает в себе жизнь финско-ижорского крестьянского населения окрестностей бывшего Петербурга в период после реформы 1861 года и до Великой Октябрьской социалистической революции.

В нём сказалась отмечаемая В. И. Лениным противоречивость развития идеологии крестьянства «в пореформенный и предреволюционный период», историческая ограниченность протеста крестьян против социального гнёта. В связи с этим творчество Ларин Параске, как и творчество знаменитой олоонецкой вопленицы И. А. Федосовой, вполне закономерно перекликается с мотивами революционно-демократической поэзии Н. А. Некрасова.

Так получилось потому, что, подобно Ирине Федосовой, Ларин Параске в своём творчестве выражала точку зрения беднейшего слоя крестьянской бедноты, точку зрения вдов и сирот — «бесправнейших из бесправнейших».

Демократические традиции замечательной сказительницы Ларин Параске в совершенно новом качестве были продолжены в предреволюционной финско-ижорской устной народной поэзии и даже в творчестве финнов и ижор — рабочих предреволюционного Питера.

Мы располагаем очень малочисленными записями финского рабочего фольклора, но, тем не менее, имеются

основания утверждать, что революционные настроения, в какой-то мере отражённые в возникавших песнях финских рабочих, определялись положением рабочих-финнов, проживавших в разных городах Финляндии и предреволюционном Петербурге.

Развитие классового пролетарского самосознания среди финских рабочих перед революцией 1905 года и Великой Октябрьской социалистической революцией особенно заметно сказалось на возникновении переводов на финский язык, перетекстовок и переделок разных массовых революционных песен. Такая переведенная на финский язык перетекстовка рабочей марсельезы записана от 64-летней финки А. И. Нокелайнен-Егоровой, слышавшей и усвоившей этот текст на курсах рабочих агитаторов осенью 1906 года. Автором перевода-перетекстовки, по словам А. И. Нокелайнен, был кто-то из рабочих агитаторов. В переводе на русский язык начало этой финской рабочей марсельезы звучит так:

Не нуждаемся мы в золотых иконах
И в царских развратных дворцах.
В широкие массы идём мы,
К трудящимся братьям идём.
Тунеядцам проклятия мы шлём,
Наших братьев к борьбе мы ведём.
Вставай, просыпайся, трудящийся люд,
Вставай на борьбу, люд голодный...

Отображение в финском народном творчестве предреволюционных событий можно проиллюстрировать и на таком жанре, как воспоминания. В этом отношении показательны воспоминания о революции 1905 года, записанные от рядовой работницы-финки Сельми Пааси, прожившей в рабочем Питере 45 лет своей сознательной жизни. Ещё накануне «кровавого воскресенья» она, как и многие другие рядовые трудящиеся, верила в «царский манифест», хотя, по её собственному выражению, к осторожности призывала финская пословица: «Про то и дурак знает, что царь и король — дворяне!». Случайно уцелев в день 9 января, финка С. А. Пааси начала другими глазами смотреть на окружающую её действительность. Она сблизилась с революционно-настроенными рабочими и с отдельными профессиональными революционерами. Судя по её воспоминаниям, на её квартире на углу Лиговки у Кузнечного переулка в 1906 году провела конспиративное собрание сестра В. И. Ленина — Анна Ильинична Ульянова. Очень живо рассказывала С. Пааси и о своих встречах с Плехановым. Но в лице С. Пааси можно видеть лишь рядовую работницу-финку, которая в 1950 году выступила перед нами, как своеобразная сказительница.

Устное народное творчество среди финско-ижорского населения Ленинградской области продолжало жить и развиваться и после Великой Октябрьской революции. К сожалению, работа по сборанию фольклора среди финнов и ижор в СССР проводилась не столь интенсивно, как среди карел, но и имеющиеся записи свидетельствуют о том, насколько обоснованными являются утверждения реакционного финляндского фольклориста М. Хаавио о невозможности развития финско-ижорской народной поэзии в СССР. Широкое устное бытование среди ижор и финнов Ленинградской области получили за годы советской власти революционные советские песни в переводе на финский язык. Равным образом большой популярностью пользовались среди них песни с таким же революционным, советским содержанием, написанные непосредственно на финском языке.

Судя по записям 1940 года среди колхозниц-финок Ленинградской области заметное распространение получили новые куплетные песни, иногда ритмически похожие на частушки. Тематика этих советских песен у ижор и финнов Ленинградской области была разнообразна.

Эх, да вот у нас в колхозе
Хорошо живётся;
И работа-то в колхозе
Каждому найдётся.

Ведь у нас работы много,
Хватит тут работы всем,
Все у нас шагают в ногу,
Планы выполняют все.

А в колхозе сеют поле
Сеялкой сегодня.
Ведь теперь и сеять поле
Из лукошек — бредни.

Так в 1940 году одна сказительница-ижорка повествовала о механизации сельского хозяйства в колхозах Ленинградской области. Из её песен мы узнаём, что до Великой Отечественной войны в колхоз пришли не только трактор и сенокосилка, но даже картофелекопалка. В новых песнях этой престарелой сказительницы нашла своё отражение и тема электрификации её родной ижорской деревни Низины, в связи с её превращением в посёлок:

О Низинах говорили:
На болоте, мол, стоит,
Но у государства — сила,
Городом село глядит.

Вопреки мнению высказанному в книге «Последние певцы рун», написанной М. Хаавио, финско-ижорская песня до 1941 года продолжала звучать на качелях в устах молодых колхозниц-финок большинства финско-ижорских деревень Ленинградской области. Даже престарелые колхозницы-

финки, участвуя в литературной самодеятельности, откликались на события, преобразующие жизнь, патриотической песней.

В годы Великой Отечественной войны колхозники-финны села Парголово Ленинградской области, как и колхозники-финны из родной для Ларин Параске деревни и вообще все советские трудящиеся прифронтовой полосы, эвакуировались в глубокой советский тыл, где своим самоотверженным трудом способствовали победе над фашистскими ордами. Вместе с колхозницами-финками села Парголово эвакуировалась ленинградская работница-финка С. А. Пааси, о которой говорилось выше. По её словам, одна парголовская колхозница-финка по фамилии Харвонен сложила и распевала на финском языке в эвакуации песню о Великой Отечественной войне.

Эта песня в записи от С. А. Пааси начинается следующими стихами:

Солнце в летний день везде взошло,
Радость в жизни восхищала всех,
Вдруг известие суровое пришло
И прервало наш весёлый смех.
Вспыхнула война на горе нам...
Но тогда священный долг борца
Выполнить осталось всем сынам,
Месть врагам вселилась в их сердца.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны в Карело-Финской ССР начало появляться всё больше и больше финнов, в своё время проживавших в Ленинградской области. В дружной семье народов Советского Союза честные трудящиеся финны нашей республики на разных участках трудового фронта ведут беззаветную борьбу за мир во всём мире, проявляют образцы советского патриотизма. Многие проживающие в Карело-Финской ССР трудящиеся финны заняты на лесозаготовках. Значительная часть лесорубов механизированного лесопункта Матросы является по своей национальности финнами. Как и везде в Советском Союзе, культурная жизнь лесного посёлка Матросы находит отражение в народном творчестве, качественно по-новому продолжающем демократические традиции творчества Ларин Параске. В матросском коллективе художественной самодеятельности танцы сопровождаются, как и в старину, танцевальными песнями «пийрилейкилаулут». Наряду со старинными танцевальными песнями в этом коллективе возникают новые советские песни, отражающие наиболее близкую для лесопункта производственную тематику. Вот одна из таких новых местных финских песенок в переводе на русский язык:

Ведь в лесу мы не устанем,
Хей-хах, ухнем.

Перевыполняем планы,
Хей-хах, ухнем.
С электрической пилой —
Хей-хах, ухнем.
Превратились мы в героев —
Хей-хах, ухнем.

Светлой становится жизнь финского населения в Карело-Финской ССР. На лесозаготовках и на колхозных полях, на фабриках и заводах, крепнет социалистическое сознание равноправных на-

родов Советского Союза и, в том числе, трудящихся финнов.

На широком и светлом пути развития культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме, всё сильнее звучат радостные народные песни о мудром Сталине, о старшем брате — великом русском народе, о нашей счастливой жизни, расцветающей под солнцем Сталинской Конституции.